

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Проблемы национальной безопасности

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ СТРАТЕГИИ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ: РОЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ*

СМОЛИН О.Н.

Парадокс № 5. Инверсия политических противоположностей — синдром «казарменного» либерализма и «либерального» социализма.

Согласно стандартным представлениям (впрочем, справедливым лишь отчасти), в условиях классической расстановки политических сил социалисты, руководствуясь принципом справедливости, стремятся к созданию социальных гарантий для большинства населения путем перераспределения доходов граждан через бюджет (как иногда говорят, предпочитают делить «рыбу»). Напротив, согласно тем же представлениям, либералы ориентируются на стимулирование экономической активности граждан, создавая им возможности самостоятельно зарабатывать деньги (в аналогичных терминах — раздают «удочки»).

В противоположность этому в постсоветской России образовательная и научно-инновационная политика правящей элиты, регулярно прокламирующей проведение радикальных либеральных реформ, тяготела, скорее, к принципу «ни «рыбы», ни «удочек»». В то же время представители левой (в том числе социалистической) оппозиции регулярно отстаивали свободу для участников образова-

* Продолжение. Начало см. «ФН». 2006. № 1. Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 05-03-03487а. В ее основу положен доклад, прочитанный автором на IV Российском Философском конгрессе 25 мая 2005 г. в МГУ им. М.В. Ломоносова.

тельной и научно-инновационной деятельности, включая свободу экономическую. Вот лишь один тому пример.

Как известно, в индустриально развитых странах отнесенные к некоммерческому сектору организации, включая образовательные и научные, налогов не платят вовсе либо пользуются широким спектром налоговых льгот. Среди прочего такие льготы используются в целях привлечения в некоммерческий сектор частных инвестиций и создания тем самым системы многоканального финансирования образования и науки. Напротив, отечественные «радикальные реформаторы» на протяжении 1990-х годов пытались ликвидировать (и в начале XXI в. в значительной степени достигли этого) систему налоговых льгот для образовательных учреждений и научных организаций, восходящую в России к Указам Петра I, а в постсоветский период предложенную и долгое время защищаемую парламентскими комитетами по образованию и науке, которые по составу депутатов и персоналиям руководителей представляли преимущественно левую политическую оппозицию.

Пользуясь случаем, замечу: рассчитанный Комитетом по образованию и науке Госдумы II и III созывов на основе результатов голосований по всем законам и законопроектам, связанным с образованием, рейтинг поддержки образования депутатскими объединениями оказывается неизменно высоким в левой части политического спектра (постоянно лидировала фракция КПРФ) и столь же неизменно низким в его правой части (последние места регулярно занимали фракции «партии власти»). При этом деление на левых и правых осуществлялось в соответствии не с самоидентификацией политических течений, но на основе их реальной политики (так, например, если оценивать не PR-декларации, а политические инициативы и результаты голосований, партия «Единая Россия» оказывается заметно правее, чем «Союз правых сил», не говоря уже о «Яблоке»)¹. Именно голосами фракций «Единство» — «Единая Россия», «Отечество» — «Единая Россия», «Союз правых сил» и др. в третьей Госдуме, а также фракции «Единая Россия» в Госдуме четвертого созыва были приняты все законы, направленные на ликвидацию налоговых льгот для образовательных учреждений и научных организаций

и, соответственно, отклонены поправки, призванные обеспечить сохранение таких льгот.

Заслуживает внимания еще одно обстоятельство: представление о том, что все должны платить одинаковые налоги (образование — наравне с табачными компаниями, медицина — с водочными, а инвалиды — с «новыми русскими»), наряду с квазиэгалитарной ваучерной приватизацией выступает как очевидная политическая инверсия и пример того, как стереотипы примитивного «казарменного» коммунизма могут использоваться для введения не менее примитивного «дикого» капитализма, с его колоссальным социальным неравенством.

Парадокс № 6. Сочетание юридического фетишизма с юридическим нигилизмом.

На протяжении 1990-х годов и в первые годы XXI столетия корни многочисленных проблем в образовательной и научно-инновационной политике массовое сознание (в том числе общественное мнение соответствующих профессиональных сообществ) нередко склонно было видеть в отсутствии или недостатках законодательной базы. На те же недостатки обычно ссылались и представители исполнительной власти, по большей части в то же время игнорируя действовавшие законы.

Так, все минимально необходимые для развития систем образования и науки законодательные решения были приняты еще в 1990—1996 гг., причем на уровне как парламентской, так и президентской ветви власти. При этом они и не исполнялись, и не отменялись. Постоянно провозглашая приверженность правовому государству, исполнительная власть делала вид, что законы для нее не писаны, либо объявляла эти законы «популистскими», «неисполнимыми», «некачественными» и т.п. Сказанное относится прежде всего к большинству норм и нормативов финансового характера, а также социозащитного характера в отношении обучающихся и работников обеих систем.

Ситуация изменилась лишь в начале XXI в. с появлением в третьей Госдуме достаточно прочного проправительственного большинства (так называемая «большая четверка», включавшая фракции «Единство», «Отечество — вся Россия», депутатские группы «Народный депутат» и «Рос-

сийские регионы», а также по обыкновению примыкавшую к правительственному блоку фракцию ЛДПР). В этот период исполнительная власть могла уже позволить себе в значительной степени отказаться от юридического нигилизма, введя практику ежегодного приостановления всех предусмотренных законами, но не исполняемых социальных обязательств при принятии Федерального закона о Федеральном бюджете на очередной год.

Однако лишь вступление в силу ФЗ № 122 от 22 августа 2004 г. придало действиям федерального правительства легальный характер — разумеется, не путем поэтапного исполнения действовавших законов, но посредством их отмены. Этим невиданным в истории парламентаризма законодательным актом в общей сложности полностью или частично были отменены 112 Федеральных законов и иных нормативных правовых актов социального характера, а также внесены изменения (как правило, снижающие уровень социальных гарантий) в 152 подобных акта.

Несмотря на все усилия представителей образования в Парламенте,

- 3,5 миллиона внебюджетных студентов государственных и негосударственных вузов рискуют получить скачкообразное повышение платы за обучение вследствие предполагаемой отмены налоговых льгот для образовательных учреждений (в том числе по налогу на имущество и земельному налогу — с 1 января 2006 г.);

- каждому седьмому бюджетному студенту грозит лишение права на бесплатное образование (в законе, правда, сохранена норма, согласно которой Россия обязана обучать за счет федерального бюджета не менее 170 студентов на 10 тысяч населения, однако исключено положение о запрете сокращать такие бюджетные места. Следовательно, правительство получило право снизить их количество с 204 на 10 тысяч в настоящее время до 170, установленных законом);

- работники учреждений образования, здравоохранения, культуры и системы социальной защиты (за исключением федеральных) потеряли практически все государственные гарантии оплаты труда, кроме ее минимального уровня, устанавливаемого Федеральным законом.

Помимо этого, полностью отменены следующие Федеральные законы:

- «О сохранении статуса государственных и муниципальных образовательных учреждений и моратории на их приватизацию»;

- «О компенсационных выплатах на питание обучающихся в государственных, муниципальных общеобразовательных учреждениях, учреждениях начального профессионального и среднего профессионального образования»;

- «О льготе на проезд на междугородном транспорте для отдельных категорий обучающихся в государственных и муниципальных образовательных учреждениях»;

- «О социальном развитии села» (в этом законе, в частности, была предусмотрена 25-процентная надбавка к зарплате для сельской интеллигенции, включая учителей, врачей и работников культуры); а также

- Постановление Верховного Совета РСФСР, регулировавшее уровень родительской платы за содержание детей в дошкольных образовательных учреждениях.

В тех же законах в области образования, которые не были отменены полностью, подверглись «секвестру»

- статья «Государственные гарантии приоритетности образования»;

- положение, устанавливающее оплату труда педагогических и иных работников системы образования на уровне не ниже средней в промышленности;

- нормы, устанавливавшие право студентов вузов на бесплатный проезд к месту учебы и обратно, а также доплаты к стипендиям на питание. И т.д. и т.п.

Потери науки в результате принятия ФЗ № 122 оказались меньшими, но все же весьма значительными. Из Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике» были, в частности, исключены два важных положения:

- об обязанности государства выделять на научные исследования не менее 4 % расходной части федерального бюджета;

- о праве субъектов Российской Федерации финансировать и организовывать научные исследования (эту норму позднее частично удалось восстановить).

Возвращаясь к предыдущему парадоксу, стоит заметить, что ФЗ № 122 разрушил одновременно и социальные, и общедемократические (либерально-демократические) основы образовательного законодательства и законодательства в области науки. В результате его принятия из соответствующих законов были «вычищены» нормы не только «защитного» характера, но и положения, гарантировавшие академические свободы участникам образовательного процесса и экономические свободы образовательным учреждениям и научным организациям. Логика авторов закона оказалась не социальной, не либеральной и даже не бюрократической в смысле веберовской «рациональной бюрократии». Эта логика знаменует реинкарнацию бюрократии азиатской и отражает процесс «негативной конвергенции», т.е. объединения пороков (вместо достоинств) основных общественных систем XX века (бюрократического социализма и первоначального и не менее бюрократического капитализма).

Итак, через почти 15 лет постсоветского развития парадокс сочетания юридического фетишизма с юридическим нигилизмом ушел в прошлое, однако образовательная и научно-инновационная политика от этого не выиграли: курс на понижение (или, в лучшем случае, торможение развития) уровня человеческого потенциала отныне проводится в стране не вопреки закону, а на законном основании.

Парадокс № 7: Консерватизм как фактор модернизации.

В результате реализации принципов радикального экономического детерминизма во внутренней политике государства в постсоветский период российская наука и система образования оказались в более тяжелом финансово-экономическом положении, чем многие отрасли экономики и социальные институты. Однако уровень их деструкции значительно меньше, а эффективность — существенно выше по сравнению с аналогичными социальными системами. В свое время это было признано такими организациями, как Мировой банк, специалисты которого в 1994 г. отмечали более высокий в среднем уровень знаний российских школьников в области естествознания и математики, чем во многих государствах организации экономического сотрудничества и развития, а также ЮНЕСКО, под эгидой которой на базе российских вузов выполнялся

целый ряд международных проектов в рамках всемирного десятилетия образования.

В этой связи вполне обоснованным представляется следующий тезис: помимо исходного высокого уровня в советский период, помимо специфической мотивации и исключительного чувства ответственности ученых и педагогических работников, сформированного, в частности, полутрадиционной авторитарной советской общественной системой, именно инерционность, консерватизм данных социальных институтов, обеспечивая сохранение духовного потенциала нации, оставляют России шансы на модернизацию в будущем. Напротив, радикальная революционная ломка образовательных и научных институтов привела бы к безнадежному отставанию от наиболее передовых стран. Видимо, отечественная образовательная и научно-инновационная политика — это тот редкий случай, когда справедливой оказывается формула Франца Йозефа Штрауса: быть консерватором — значит маршировать во главе прогресса!

Ключ к парадоксам: концепция революции как исторической ситуации

Как уже отмечалось, современные исследователи в большинстве случаев ищут ключ к объяснению противоречий отечественного политического процесса, включая образовательную и научно-инновационную политику, в российской культурной традиции в широком смысле этого слова. Так, один из крупнейших специалистов по истории и теории культуры, сторонник семиотического подхода Ю. Лотман отмечал: «Идея самостоятельности экономического развития в Западной Европе органически связывалась с постепенным развитием во времени, с отказом от “подстегивания истории”. В наших условиях этот же лозунг отягощен идеей государственного вмешательства и мгновенного преодоления пространства истории в самые сжатые сроки... Даже постепенное развитие мы хотим осуществить, применяя технику взрыва. Это... — суровый диктат бинарной исторической культуры»².

Не подвергая сомнению справедливость подобного утверждения, хотелось бы заметить вместе с тем, что сама отечественная ментальность («бинарная культура») во мно-

гом сформировалась под действием катастроф, включая войны и революции. Следовательно, путь выхода из логического круга лежит через поиск тех социально-исторических причин, которые обусловили одновременно и обилие революций, и соответствующий национальный менталитет.

Политико-ситуационный анализ. Изучение политических процессов в обществах, переживающих радикальные трансформации, требует не только критического использования основных парадигм социогуманитарной науки и применения известных научных методов, но и разработки новых методов, соответствующих объекту и предмету исследования. Одним из них может служить специально разработанный автором метод политико-ситуационного анализа, который, в частности, предполагает:

- выявление характеристик и закономерностей исторических ситуаций (наряду с закономерностями исторического процесса как целого и закономерностями различных социальных систем);
- определение множеств таких характеристик и закономерностей, каждое из которых описывает определенный тип исторических ситуаций и никакой другой;
- использование одного из таких множеств в качестве критерия отнесения исследуемой исторической ситуации к определенному типу;
- прогнозирование на основе параметров и закономерностей данного типа исторической ситуации основных сценариев ее развития и наиболее вероятного из них.

Именно этот метод автор использовал для анализа отечественного политического процесса первой половины 1990-х годов, что позволило сделать нетривиальный вывод о характере отечественного политического процесса, вывод, который в последнее время находит все большее признание, подтверждая справедливость гегелевского замечания: истина рождается как ересь и умирает как предрассудок.

Реформа или революция. Социально-политические трансформации, происходившие в нашей стране в течение последних лет (начиная с прихода к власти М. Горбачева), в официальных политических документах и иной литературе обычно квалифицируются как радикальные реформы. Между тем политическая наука определяет социальную реформу как

изменение какой-либо существенной стороны жизни общества при сохранении основ его экономического и государственного строя. Поскольку же и в экономике, и в государственном строе России в названный период произошли действительно коренные преобразования, определять характер всех этих изменений как реформистский не представляется возможным. В действительности *в различные периоды новейшей российской истории в стране происходили как эволюционные, реформистские, так и революционные преобразования.*

Наряду с господствующей оценкой российского социально-политического процесса 1990-х годов в качестве периода реформ в литературе встречаются следующие его характеристики: революция (с различными, подчас противоположными определениями), контрреволюция, реставрация, антиреволюция, смута и др.

Помимо идейно-политических воззрений авторов, придающих понятиям «революция», «контрреволюция», «реставрация», «реформа» ярко выраженный аксиологический аспект, помимо сложности и незавершенности самого процесса такая разноречивость оценок обусловлена тем, что при кажущейся терминологической очевидности в эти понятия вкладывается весьма различное содержание. По количеству определений термин «революция» вряд ли может сравниться с такими социально-философскими понятиями, как «общество», «цивилизация», «культура» или «личность», однако термин этот весьма многозначен, причем различные его значения наиболее четко раскрываются при логическом анализе понятия революции в парах с соотносительными категориями.

На общефилософском уровне исследования *в паре «революция — эволюция»* первая выступает как скачок-переворот (взрыв), как быстрое, стремительное, качественное изменение, преобразующее сущность системы; вторая — как постепенное количественное изменение при сохранении сущности или как постепенное качественное изменение. С этой точки зрения, социально-политический процесс в России 1990-х годов, как и аналогичные процессы в бывших социалистических странах, несомненно, представляет собой революцию. Достаточно указать на:

- применение «шоковой терапии», в результате чего

произошло «взрывное» движение от сверхцентрализованной экономики к практически нерегулируемой;

- обвальный характер приватизации, темпы которой на порядок превосходили по интенсивности аналогичные процессы в индустриально развитых странах (например, в Великобритании в период правления М. Тэтчер) при противоположном социально-экономическом результате;

- разрушение прежней государственности (Советского Союза);

- политические перевороты, а также малую гражданскую войну в Москве (октябрь 1993 г.) и две локальные гражданские войны в Чечне (декабрь 1994 — август 1996 и август 1999 — март 2000), которые обычно являются верными спутниками революций, и т.п.

На уровне политологического анализа в паре «революция — реформа» выделяется целый ряд характеристик, по которым различаются эти категории:

- революция — коренное преобразование, реформа — частичное;

- революция радикальна, реформа более постепенна;

- революция (социальная) разрушает прежнюю систему, реформа сохраняет ее основы;

- революция осуществляется в значительной мере стихийно, реформа — сознательно (следовательно, в известном смысле реформа может быть названа революцией «сверху», а революция — реформой «снизу»).

С теоретической точки зрения, важным во всех этих определениях является однозначная и очевидная для подавляющего большинства специалистов характеристика реформ как переустройства отдельных сторон и элементов системы, не затрагивающего ее основ. Впрочем те же специалисты, переходя к анализу политических процессов в России, дружно называют реформами коренную ломку предшествующего общественного строя!

С точки зрения историко-социологической, в паре «революция — реставрация» революция интерпретируется как переход к новому типу общества (социетальной системы, цивилизации, формации), а реставрация — как возвращение к его прежнему типу. В этом смысле российские «реформы» 1990-х годов если и не представляли собой пря-

мую попытку реставрации дооктябрьской общественной системы, то, по крайней мере, содержали ярко выраженные реставрационные тенденции, по силе соперничавшие с модернизационными, а иногда их превосходившие.

Эти реставрационные тенденции проявлялись прежде всего в знаковой форме, в отношении к прежним символам: возвращение дореволюционного флага и герба, восстановление топонимов, коренное изменение отношения к символическим историческим фигурам (превращение большинства царей, несмотря на прокламируемые демократические ценности, из дьяволов в героев, а большинства генеральных секретарей — из героев в дьяволов), восстановление храмов и демонстративная религиозность политических лидеров и т.п.

При этом некоторые реставрационные проявления приобретали алогичный, полукурьезный, а то и трагикомический характер, лишний раз доказывающий справедливость гераклитова афоризма о невозможности вступить в одну реку дважды. Хорошо известно, например, что станции московского метро никогда никаких названий, кроме советских, не имели. Топонимы же типа Санкт-Петербург в Ленинградской области либо Екатеринбург Свердловской области невольно вызывают в памяти сатирико-фантастический рассказ о том, как в славном городе Старосибирике улица Красных партизан была переименована в Белобандитский проспект. Не менее парадоксально выглядит строительство «новоделов» на фоне продолжающегося разрушения действительно старинных храмов.

Еще более парадоксально выглядят попытки восстановления существовавших в дооктябрьской России социальных отношений и институтов — от сословий до монархической власти. Разумеется, мало кто станет возражать против освоения и развития культурного наследия дворянской интеллигенции или традиций казачества как особого российского субэтноса. Но когда поднимается вопрос о придании дворянам или казакам статуса сословий в качестве условия развития «новой России», то полезно чаще вспоминать азбучные истины социологии, согласно которым сословный тип социальной стратификации является признаком доиндустриальной средневековой цивилизации (феодализма), тогда как

руководство постсоветской России неоднократно заявляло о намерении двигаться к цивилизации постиндустриальной.

В историко-аксиологическом аспекте в паре «революция — контрреволюция» первое из этих понятий означает прогрессивное преобразование, качественный скачок в движении общества вперед, тогда как второе — преобразование регрессивное, откат назад. Поскольку возникновение качественно новой общественной системы — не всегда прогресс, а восстановление прежней — не всегда регресс (революции тоже бывают консервативными), понятия реставрации и контрреволюции взаимосвязаны, но не тождественны. Последнее, подобно понятиям «прогресс» и «регресс», имеет ярко выраженный аксиологический акцент. В силу этого оценка тех или иных исторических событий как революционных или контрреволюционных является относительной и определяется двумя группами факторов: во-первых, объективными последствиями этих событий для общества, которые нередко выявляются спустя многие десятилетия; во-вторых, мировоззренческими и научными позициями исследователя, включая его отношение к проблеме общественного прогресса и методам преобразования общества.

В последнее время предприняты попытки, рассматривая проблему на политико-философском уровне, вынести ее решение за рамки традиционной «системы координат», введя для обозначения событий 1985–1991 гг., имевших место в Восточной Европе и Советском Союзе, понятие «антиреволюция». При этом главный аргумент в пользу введения нового термина заключается в том, что эти события не только положили конец революционному циклу, связанному с Октябрем 1917 г., но и завершили целую эпоху революционности, порожденной Просвещением, более того, положили конец самой логике просветительской модернизации и связанной с ней революционности. «Изживание “просветительского революционизма”, — отмечает Р. Саква, — означает отнюдь не то, что больше не будет восстаний, переворотов, мятежей и бунтов, а то, что изменился философский смысл подобных событий»³. А именно: «отсутствует универсальная система светских догматов, которая могла бы подкрепить надежды на то, что политический переворот откроет путь в царство справедливости, заложит основы лучшего мира»⁴.

При этом, согласно Р. Сакве, «отказ от революционного социализма был не “революцией наоборот”... или сокращенно, контрреволюцией, а “противоположностью революции”... т.е. оппозицией революционному процессу как таковому»⁵. Аргументируя данный тезис, автор концепции называет два, по его мнению, кардинальных различия между антиреволюциями и контрреволюциями: «во-первых, они (антиреволюции. — О. С.) пытались преодолеть реальные революции, происшедшие в соответствующих странах в 1917 и 1945—1948 гг., и, во-вторых, они полностью отвергли всю логику революционного мышления, подчинявшую себе воображение европейцев на протяжении почти двух столетий»⁶.

Позиция Р. Саквы приведена здесь столь подробно не только вследствие ее оригинальности, но и для того чтобы предоставить возможность читателю самостоятельно убедиться в не слишком высоком качестве ее аргументации.

Во-первых, едва ли не единственным реальным основанием этой концепции служит сравнительно мирный, «бархатный» путь осуществления большинства революций 1989—1991 гг. Однако этого явно не достаточно для радикальных выводов об «антиреволюционных революциях», ибо возможность мирного осуществления революций признавалась и прежде, в том числе даже такими радикальными революционерами, как основатели марксистской теории. Сказанное в значительной мере относится и к тезису о снятии противоположности между реформами и революцией. Такая противоположность в качестве абсолютной существовала лишь в головах революционеров-догматиков, тогда как в реальной жизни реформы нередко перерастали в революцию и практически всегда ее сопровождали, завершая в постреволюционный период процесс трансформации одной общественной системы в другую.

Во-вторых, не более убедительными выглядят аргументы в защиту отличий антиреволюции от контрреволюции: достаточно напомнить, что те, кого Ж. Кондорсе в конце XVIII в. именовал контрреволюционерами, также искали свои социальные идеалы не в будущем, но в прошлом (своей страны) или настоящем (феодальной Европы).

В-третьих, осуществление новейших революций в ин-

дустриальных обществах и к тому же в мирное время действительно отличает их от большинства предшественниц. Однако отсюда вовсе не следует, будто эти революции кладут конец просветительскому пониманию модернизации. Скорее, наоборот: их лидеры почти повсеместно выдвигали лозунг «возвращения в цивилизацию», представляющий собою по сути вариант хрущевского призыва «Догнать и перегнать», но не за счет более быстрого развития системы, а путем кардинального изменения типа общественно-го развития.

Как будет показано ниже, логика поведения новейших российских «антиреволюционеров» по всем остальным параметрам, включая готовность к применению насилия, воспроизводила логику поведения их предшественников, несмотря на противоположную направленность социального действия и бесконечные заявления о разрыве с традициями прошлого. Возможно, именно эти заявления Р. Саква и принял за сущность процесса. Более того, утверждение о преодолении просветительской логики представляется безнадежно оптимистичным и в отношении политических лидеров индустриально развитых стран: войны в Югославии, Афганистане и Ираке убедительно показали, что и среди них преобладает революционно-просветительское стремление «железной рукой загнать человечество к счастью».

Наконец, в-четвертых, что касается легкости осуществления «договорных революций», то она находит свое вполне реалистическое объяснение в бюрократическом характере этих революций.

Термин «смута», нередко используемый для характеристики современного этапа российской истории, не может быть определен через оппозицию к термину «революция», хотя некоторые авторы располагают его в категориальном треугольнике: «революция — инволюция — смута»⁷. В действительности термин «смута», во-первых, представляет собой скорее образную характеристику, чем научную категорию либо понятие, характеризующее совокупность конкретных исторических событий, но не категорию политической или социологической науки. Во-вторых, при самых разнообразных трактовках применение данного термина к современному периоду российской истории некор-

ректно, ибо это явно период революции либо инволюции (деградации, разложения). По логике вещей, смута должна заканчиваться восстановлением статус-кво с незначительными отклонениями в ту или иную сторону. В России же восстановление прежней системы невозможно.

Как отмечалось, в 90-е годы XX в. термин «революция» для характеристики происходивших в стране процессов практически не применялся. Однако в начале нового столетия отказ от использования термина сменился его апологией, причем инициатива исходит как раз от тех, кто 10–15 лет назад не только в значительной степени определял характер трансформационных процессов, но и присвоил им наименование реформ, утверждая, что «Россия лимит на революции исчерпала». Так, бывший помощник первого президента России М. Краснов, отвечая на вопрос: «Что произошло в России в последнее десятилетие XX века?» заявляет: «Произошла революция. Причем Великая революция, т.е. масштабная смена общественного и государственного строя, всего уклада жизни»⁸. Ему вторит Г. Саттаров, другой помощник Б. Ельцина, отмечающий, что «общество, которое не умеет вовремя осуществить эволюцию, заслуживает революции», называющий события конца XX в. «наша великая буржуазная российская революция» и прогнозирующий ввиду ее незавершенности новые революции⁹.

Новое обращение к термину «революция» объясняется, на наш взгляд, следующими причинами:

а) период революционных преобразований в России завершен, наступил период стабилизации и реформирования постреволюционного политического режима. В новых исторических условиях правящей элите нет необходимости скрывать характер произошедшей в стране трансформации. Не случайно президент РФ В.В. Путин уже в одном из телевизионных выступлений в октябре 2002 г. назвал события начала 1990-х годов «бархатной» революцией;

б) если в конце 80-х – первой половине 90-х годов прошлого века был дискредитирован термин «революция», то к началу XXI в. дискредитированным оказался и термин «реформа». Ныне в массовом сознании этот термин прочно ассоциируется прежде всего с ухудшением социально-экономического положения.

Итак, популярное на рубеже 1980—1990-х годов, особенно в зарубежной публицистике, выражение «вторая русская революция» гораздо точнее отражает характер российского социально-политического процесса, чем термин «реформы». Самой слабой частью этой характеристики является порядковое числительное, ибо в зависимости от принятой системы отсчета и объема понятия (революция социальная или только политическая, предполагающая смену лидеров или резкий поворот политического курса) «вторая русская революция» может оказаться как третьей (после 1905 и 1917 гг.), так и шестой (после 1905, февраля 1917, октября 1917, перехода к нэпу и сталинского перелома), а, скорее всего, должна рассматриваться в контексте революционной эпохи 1917 — 1997 гг.

Революция как историческая ситуация. Суть любой революции как исторической ситуации (независимо от конкретной расстановки общественных групп и их интересов) в ее чрезвычайном и первоначально деструктивном характере, который жестко навязывает участникам событий определенные направления деятельности, методы борьбы и стереотипы отношений, но вместе с тем может содержать в себе колоссальные инновационные потенции. Пока революция не началась, пока все идет «штатно», деятельность людей подчинена обычным нормам и происходит под контролем давно сформировавшихся социальных институтов. Но как только «механизм революции» запущен, привычные законы человеческой деятельности или работают «вхолостую», или подвергаются отрицанию, реализуясь с точностью до наоборот. Неким слабым аналогом могло бы быть сравнение работы человеко-машинных систем в привычном режиме и в режиме аварийном. Иначе говоря, у революции свои признаки и законы, принципиально отличные от параметров функционирования социальных систем и существенно отличные от признаков и закономерностей революционной ситуации, предшествующей революции во времени.

Чаще всего общие ситуационные закономерности революций — системно или бессистемно, в «сборе» или по отдельности, с теоретическим обоснованием или без него — уже назывались в работах теоретиков левого и правого направлений, убежденных адептов «религии революции» или ее не

менее убежденных противников. Однако именно в силу политической остроты вопроса, во-первых, существует сравнительно мало примеров объективного, неидеологизированного его изучения, а во-вторых, общие ситуационные закономерности революций обычно принимаются за конкретно-исторические и довольно часто — сознательно или бессознательно — приписываются лишь той революции (или тем революциям), идеология которой (которых) противоречит убеждениям аналитика. В особенности это относится к так называемым «первородным грехам» революции, которые легко и уверенно прозреваются сквозь толщу десятилетий (или даже столетий), но никак не обнаруживаются в революции, современником которой является иной автор. Впрочем теоретики в данном случае идут за политиками и подчиняются той же ситуационной закономерности.

Подобно другим типам исторических ситуаций, революции обладают повторяемостью как в синхроническом (по «горизонтали»), так и в диахроническом (по «вертикали») плане. Последний, «диахронический», аспект повторяемости имеет в данном случае особое значение, поскольку, во-первых, в силу чрезвычайного характера данного типа исторических ситуаций и других факторов социокультурные особенности данной системы сказываются в эти периоды значительно меньше, чем во времена спокойного развития. Во-вторых, «жесткость» ситуационных закономерностей во время революции значительно возрастает. Именно поэтому Франция 1789—1794 гг. по многим параметрам политического процесса гораздо более похожа на Россию 1917—1921 гг., чем на современные ей (Франции) Германию или Великобританию.

Согласно разработанному автором политико-ситуационному подходу, любая социально-политическая революция в качестве исторической ситуации обладает определенным набором признаков и может рассматриваться: как бифуркация, как катастрофа (или серия множественных катастроф), как радикальное отрицание, как всеобщий конфликт, как аномия, как «праздник», как фактор глобальной мифологизации массового сознания, как процесс смены политических элит, как трансформация политического режима революционной демократии в режим революционного (или постре-

волюционного) авторитаризма. При этом необходимо иметь в виду, по крайней мере, три обстоятельства.

Во-первых, каждая из названных характеристик и закономерностей с той или иной степенью интенсивности проявляется в любой революции Нового и новейшего времени, т.е. в тех типах социальных революций, которые включают в себя революции политические.

Во-вторых, ни один из этих параметров не может считаться исключительной принадлежностью данного типа исторических ситуаций. Напротив, некоторые из них в отдельности или в определенной избирательной совокупности наблюдаются и в других типах исторических ситуаций (ситуации кризисов, войн, реформ, катастроф и т.п.). Так, бифуркации в истории человечества могут быть связаны не только с социальными и политическими, но и с технологическими революциями; отрицание ярко проявляется в периоды реформ, смены культурных стилей или научных парадигм; аномия — в периоды войн, катастроф, разложения прежней системы; выдвижение мифов и утопий — во время генезиса новой социетальной системы и опять-таки в периоды реформирования.

В-третьих, полным набором названных характеристик и закономерностей не обладает ни один другой тип исторических ситуаций. В совокупности эти параметры дают то системное качество, которое характеризует только данный тип исторических ситуаций и никакой другой.

Ключ к парадоксам. Представляется, что именно концепция революции как исторической ситуации и соответствующая интерпретация отечественного социально-политического процесса первой половины 1990-х годов более полно и глубоко, чем другие концептуальные объяснения, позволяет понять причины описанных выше парадоксов образовательной и научно-инновационной политики. Например:

- множественные революционные катастрофы (прежде всего экономическая и финансовая), а также закон смены политических элит и характер его проявления в России в значительной мере объясняют наличие квазиэдипова комплекса в управленческих структурах, т.е. обвальное сокращение уровня государственной поддержки образования и науки;

• именно логика революционного отрицания дает ключ к пониманию попытки догнать цивилизацию посредством попятного движения и инверсии политических противоположностей, включая феномен «казарменного либерализма». Тот же феномен, связанный с нарастанием бюрократизации квазилиберальной политики, объясняется закономерностью смены революционной демократии постреволюционным авторитаризмом;

• всеобщее радикальное отрицание прошлого в сочетании с мифологизацией массового сознания дает возможность истолковать феномен смены «советского марксизма» новыми разновидностями радикального экономического материализма, включая монетаризм;

• революционная аномия, наряду с другими ситуационными характеристиками революции, выступает причиной парадоксального сочетания юридического фетишизма с юридическим нигилизмом; и т.д. и т.п.

Особенность развития отечественных систем образования и науки заключалась в следующем: несмотря на деструктивное воздействие социальной реальности, в первой половине 1990-х годов в отличие от социума в целом они переживали не революцию, но реформы. Помимо отмеченной уже высокой инерционности этих общественных институтов, одним из факторов, смягчивших последствия «второй русской революции», в данном случае стало законодательство.

Хотя правовые механизмы воздействия на образовательную и научно-инновационную политику всегда ограничены экономическими, институциональными, политическими и нравственно-идеологическими рамками (а в ситуации революции ограничены вдвойне), в 1990-х годах законодательство в сфере образования и, в меньшей степени, науки сыграло роль буфера между революционно изменяющейся социальной и инерционной образовательной системами. В частности, принятые федеральные законы, несмотря на хроническое неисполнение содержащихся в них норм, позволили в целом удержать образовательную и отчасти научно-инновационную политику в рамках реформ и тем самым защитили обе системы от революционного разрушения, которому подверглись многие отрасли производства и социальные институты.

В действительности именно сохранение реформистского характера образовательной и научно-инновационной политики в рамках революционного изменения социально-экономической и политической системы в целом объясняет тот отмеченный выше общепризнанный факт, что состояние российского образования и науки в настоящее время лучше, чем большинства других социальных институтов, и представляет собой главный результат деятельности законодателя.

Тем не менее результаты социально-политической революции в стране отразились на отечественном образовании самым непосредственным и далеко не лучшим образом. Так, согласно результатам известного исследования образовательных достижений учащихся PISA–2000, Россия оказалась в третьей (нижней) группе, т.е. среди 14 стран, результаты которых статистически значительно ниже средних результатов стран ОЭСР (наряду с Испанией, Италией, Германией, Польшей, Грецией, Латвией, Бразилией и др.)¹⁰.

Эти данные, как правило, интерпретируются в отечественной литературе двояким образом, причем обе трактовки, мягко говоря, не отличаются глубиной. Согласно одной из них, низкий уровень ответов российских школьников является доказательством необходимости максимально быстрой перестройки отечественной системы образования по западным образцам. Согласно другому мнению, (1) школьники многих развитых стран потому имеют более высокие показатели по сравнению с российскими сверстниками, что система заданий ориентирована именно на западные образовательные программы и (2) сами задания сформулированы крайне некорректно¹¹.

Совершенно очевидно: сторонники первого подхода «забывают» о том, что отечественная система школьного образования еще 12–15 лет назад давала высокий уровень знаний, особенно в области естественно-математических дисциплин; сторонники же второй интерпретации полученных результатов, напротив, не учитывают того факта, что качество образования на фоне множественных катастроф не может оставаться неизменным; наконец, обе позиции неожиданным образом совпадают в том, что ориентируются на существующие (или существовавшие) модели образо-

вательных систем без учета современного темпа изменения реальности. В настоящее время этот темп таков (причем он все более ускоряется), что если прежде происходило устаревание профессионального образования в течение каждых 5–10 лет, то перед современным и будущими поколениями открываются реальная перспектива устаревания образования общего (школьного) и соответственно необходимость обновления в течение всей жизни таких знаний и умений (компетенций), которые необходимы любому гражданину, потребителю услуг, пользователю технических систем и т.п.

В этой связи повторим еще раз: в России «революция знаний» возможна исключительно на базе эволюционных (но не революционных) изменений в образовательной политике государства.

Примечания

¹ Подробнее о рейтингах поддержки образования и результатах голосования по соответствующим законам, законопроектам, поправкам см.: *Смолин О.Н.* Знание — Свобода. М., 1999. С. 43–53; *Смолин О.Н.* Излом: иное было дано? М., 2001. С. 278–295; *Смолин О.Н.* Чего стоит депутатская любовь к образованию? (рейтинг фракций и групп Государственной Думы третьего созыва) // Русский мир. 2003. № 6. С. 10–18; *Смолин О.Н.* Стратегии образования: различия позиций депутатских объединений Государственной Думы // Социс. 2003. № 4 (соавтор *Комаров А.Е.*); *Смолин О.Н.* Образовательная политика в Госдуме второго и третьего созывов: реальные позиции фракций и депутатских групп // Народное образование. 2003. № 2. С. 25–33.

² *Лотман Ю.М.* Культура и взрыв. М., 1992. С. 270.

³ *Саква Р.* Конец эпохи революций: антиреволюционные революции 1989–1991 годов // Полис 1998. № 5. С. 24.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 30.

⁶ Там же. С. 26.

⁷ См.: *Ландау Г.* Революция, бунт, смута // Новое время. 1994. № 40. С. 43–45.

⁸ Эволюция российской государственности. М., 2001. С. 9.

⁹ Там же. С. 44, 45.

¹⁰ Основные результаты международного исследования образовательных достижений учащихся PISA–2000 (краткий отчет). М., 2002. С. 10.

¹¹ Например: X живет от города на расстоянии 2 км, а Y — на расстоянии 3 км. На каком расстоянии X живет от Y? (Совершенно очевидно, что расстояние определить невозможно, ибо в задании не указано, в каком направлении от города живут оба лица.)

Окончание следует.